

ПЛАСТИНЧАТЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗ КУРГАНА КУЛЬ-ОБА¹

Комплекс находок из кургана Куль-Оба бесконечно поражает обилием и многообразием содержащихся в нем памятников. Это касается не только хорошо известных уникальных произведений искусства торевтики, ювелирного мастерства или художественных изделий из кости. Каждое новое обращение исследователей, независимо от круга интересующих их вопросов, к любой группе материалов или к отдельным значительным экземплярам комплекса, дает свежую историческую или искусствоведческую информацию.

В частности, работа Л.В. Копейкиной, посвященная изучению золотых штампованных бляшек из Куль-Обы², показала, что даже эта самая массовая и широко распространенная категория вещей, характерная для всех погребений скифской и боспорской знати V—IV вв. до н.э., содержит большое число оригинальных, нигде больше не встречающихся образцов.

Золотые пластинчатые браслеты — на первый взгляд мало примечательная группа украшений ввиду простоты их формы и отсутствия орнаментики: широкая, гладкая, свернутая в круг золотая пластина с несомкнутыми концами, украшенная рельефным продольным ребром. Всего их десять, из них восемь по 6 см в диаметре и два по 11,5 см (рис. 1). Браслеты настолько просты, что на них фактически не обратили внимания первооткрыватели. Поэтому пришлось обратиться к источникам, чтобы убедиться, что все 10 экземпляров принадлежат комплексу.

Сведения о браслетах содержатся в рапорте Поля Дюбрюкса⁴, публикации А.Б. Ашика⁵ и в записке Домиана Карейши, составленной им по памяти в Петербурге для Министерства внутренних дел по указу императора⁶. Упоминаются браслеты также и в описи находок, приложенной к докладной записке управляющего Министерством внутренних дел Ф. Енгеля от 09.02.1831 по поводу открытия куль-обской гробницы⁷.

А.Б. Ашик вскользь упоминает о наличии ниже локтя на обеих руках двух колец из электра (подчеркивается качество металла) в вершок ширины (4,4 см)⁸. Дюбрюкс сообщает, что ниже локтя на каждой руке имелось два браслета из электра шириной приблизительно в вершок⁹. Более точную информацию мы получаем из записки Карейши. Он сообщает (не говоря о количестве), что выше браслетов со сфинксами были грубой работы золотые кольца, которые были соединены одно с другим и составляли род цепи, и далее отмечает, что на ногах также были кольца, но крупнее¹⁰. В описи же, приложенной к записке Ф. Енгеля, среди вещей, найденных при мужском костяке, значатся «10 золотых простой работы браслетов, бывших на руках и ногах»¹¹.

¹ Текст доклада, прочитанного Нонной Леонидовной Грач 04.06.1991 г. в Отделе античного мира Эрмитажа.

² Копейкина Л.В. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Л., 1986. С. 28—61.

³ Илл. № К-О. 21—30. ДБК. Табл. XXVI. 3, 4; Minns E.H. Scythians and Greeks. Cambr., 1913. P. 197. Fig. 90.

⁴ Архив Эрмитажа. Оп. 1. 1831. Д. 19. Л. 82—100; ДБК. С. XIV—XXXIV.

⁵ Ашик А.Б. Боспорское царство. Ч. II. Одесса, 1848.

⁶ Архив Эрмитажа. Оп. 1. 1831. Д. 19. Л. 31—35.

⁷ Там же. Л. 4—6.

⁸ Ашик. Ук. соч. С. 32.

⁹ Архив Эрмитажа. Оп. 1. 1831. Д. 19. Л. 86; ДБК. С. XXIV.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Л. 4.

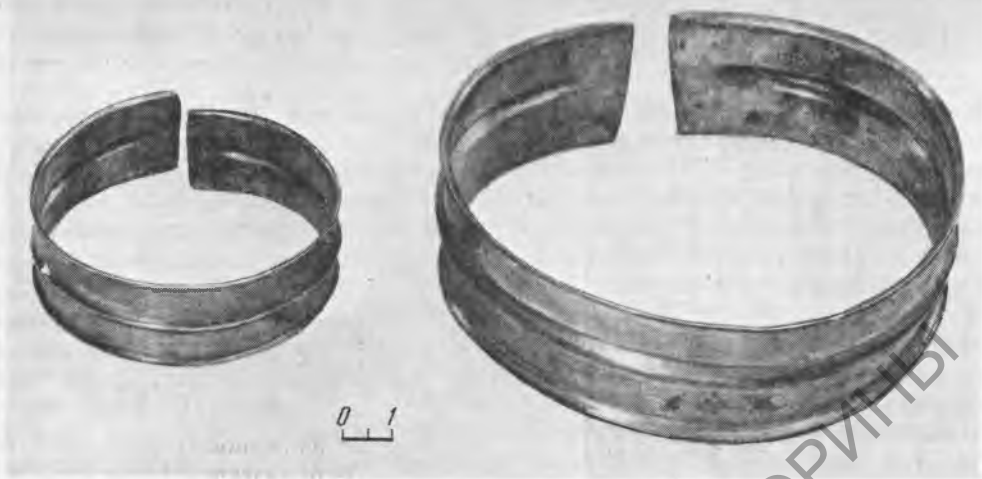

Рис. 1. Золотые пластинчатые браслеты из Куль-Обы

Таким образом, эта информация не только снимает подозрения по поводу комплекта, но и позволяет реконструировать картину. Очевидно, на руках «царя» выше браслетов со сфинксами было по четыре пластинчатых браслета, образуя своего рода латы до локтя, а на ногах кольца были надеты поверх саног.

Как известно, подобные браслеты были обнаружены почти во всех скифских «царских» курганах, среди которых и самые знаменитые — Солоха, Чертомлык, Деев, Толстая Могила и т.д. То есть пластинчатые браслеты являются как бы непременной принадлежностью «царского» реквизита. Обычно их находят на запястьях рук по одному или по два, равно мужчин, как и женщин, а также детей (Толстая Могила)¹². Лишь в кургане Солоха на скелете, который отождествляется с персоной «царя», сразу было найдено пять пластинчатых браслетов: три на правой руке и два на левой¹³. Нужно отметить, что пластинчатые браслеты из Куль-Обы и Солохи наиболее близки по форме, характеру профилировки и размерам. Браслеты из других комплексов более массивные, широкие, иногда с двумя продольными ребрами. Очевидно, тождество браслетов из Куль-Обы и Солохи объясняется единством времени (начало IV в. до н.э.). Возможно, курганы Куль-Оба и Солоха родственны не только по времени и некоторым элементам реквизита. Не удивительно, если кто-нибудь из исследователей когда-нибудь докажет родство царственных особ в буквальном смысле слова.

Статистика показывает, что в скифских курганных захоронениях, открытых в Поднепровье, Крыму, на Нижнем Дону и в других районах, было найдено всего 28 пластинчатых браслетов. Из них 13 экземпляров происходят из кургана Куль-Оба, 5 — из Солохи. Остается 10 экземпляров на все остальные комплексы. Это лишний раз указывает на исключительное место куль-обского кургана в серии аналогичных памятников.

Кроме 10 простых пластинчатых браслетов имеется еще три. Они составляют особую группу, так как их гладкая поверхность декорирована. Пара одинаковых браслетов обнаружена на запястьях женщины¹⁴. Это аналогичные по форме

¹² Мозолевський Б.М. Товста Могила. Київ, 1979. С. 142 сл.

¹³ Манцевич А.П. Курган Солоха. Л., 1987. С. 61, № 36.

¹⁴ Инв. № К-О. 3, 4. Архив Эрмитажа. Оп. 1. 1831. Д. 19. Д. 32, 83; Ашик. Ук. соч. С. 31; ДБК. С. XXII.

предыдущей серии, но более массивные широкие пластины с несомкнутыми концами, разделенные рельефным валиком на два фриза. В каждом из них зеркально помещены по две одинаковые композиционные группы, изображающие сцены терзания: два крылатых грифона нападают с двух сторон на оленя и отдельно прыгающая фигура грифона от третьей такой же сцены (рис. 2)¹⁵. При визуальном восприятии животные в нижнем ярусе всегда расположены вверх ногами. При этом грифон от третьей группы направлен к краю фриза, как бы прыгая за его пределы. Нелогичная картина.

Концы браслета с каждой стороны украшены четырьмя прямоугольными пластинами с рельефными масками львов на лапах в фас и полоской псевдозерни над гривой (рис. 3). Каждая пластина напаяна отдельно, но попарно на каждом фризе, края закреплены декоративной бусинной проволокой, прикрывающей место пайки. Фигуры зверей выполнены из листового золота в высоком рельефе чеканкой с последующей тончайшей гравировкой — работа прекрасная. Затем они были вырезаны по контуру и напаяны на пластину.

Сцены, изображающие орлиноголового грифона, нападающего на оленя или терзающего его, часто встречаются в различных произведениях искусства и предметах быта, происходящих из скифских захоронений конца V—IV в. до н.э. Они, как правило, очень близки друг другу как по композиции, так и по характеру изображений, хотя вариации ракурсов безграничны, более того, они никогда не повторяются.

Сам сюжет, выражающий, несомненно, религиозные воззрения скифов, их восприятие мира и вселенной в зооморфных образах, представлен здесь в традициях греческого реалистического искусства эпохи поздней классики. Это становится характерным для так называемого скифского звериного стиля начиная с конца V в. до н.э. Очень близкие по стилю и композиции изображения орлиноголовых грифонов, нападающих на оленя или какое-либо другое травоядное животное, можно найти в греческой глиптике V в. до н.э.¹⁶, на краснофигурных вазах¹⁷, мозаиках¹⁸.

Что касается возможной датировки рельефов, то можно сказать, что сцены терзания, состоящие из трех фигур, наиболее характерны для IV в. до н.э. Однако наиболее ранние образцы отличаются большей компактностью. Напавший хищник размещается непосредственно над жертвой, что мы имеем и в нашем случае. То есть здесь можно говорить о начале IV в. до н.э. в отношении времени изготовления рельефных аппликаций.

То же можно сказать и о львиных масках на боковых пластинках. По стилю и манере изображения эти маски ближе всего стоят к изображениям на самосских монетах первой половины IV в. до н.э.¹⁹

Все вместе взятое несомненно свидетельствует о том, что браслеты были изготовлены греческим мастером, хотя основа их принадлежит к типу скифских пластинчатых браслетов.

Итак, по стилю изобразительного комплекса браслеты можно датировать началом IV в. до н.э. Любопытно, однако, что эти вырезанные изображения зверей первоначально, скорее всего, предназначались для другого изделия. Об этом свидетельствуют просверленные круглые отверстия в крыле каждого грифона. Они

¹⁵ ДБК. Табл. XIII, 2; *Minns*. Op. cit. P. 199. Fig. 92, 2; *Артамона М.И.* Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 1966. Табл. 236—238; *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986. Pl. 179.

¹⁶ *Furtwängler A.* Die antiken Gemmen. Bd I. 1. pz — B., 1900. Taf. XI, 29; XIII, 39; *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. L., 1970. Pl. 511, 579, 695, 847, 868.

¹⁷ *Hoffman H.* Attic Red Figured Rhyta. Mainz, 1962. Pl. XVII, 1, 2.

¹⁸ *Robertson C.M.* Greek Mosaics // *JHS.* 1965. LXXXV. Pl. XVIII, 1; XXII, 3.

¹⁹ *Regling K.* Die griechische Münzen der Sammlung Warren. B., 1906. Taf. XXVI, 1155; *Зозпац А.И.* Античные монеты. М.—Л., 1951. Табл. IX, 21.

Рис. 2, 3. Фрагменты золотого декорированного пластинчатого браслета

Рис. 4. Замкнутый золотой декорированный пластинчатый браслет

не имеют здесь никакого функционального значения. Такие отверстия обычно делаются для набивки или нашивки украшения, но не для напайки. Следует отметить также, что прием накладки декоративного украшения на гладкую основу пластинчатого браслета вообще встречается крайне редко. В данном случае сам набор пластин, составляющих композицию из трех фигур, говорит о том, что он мог быть бесконечен. Именно поэтому третья группа в каждом фризе обрывается на одной поместившейся здесь фигуре грифона. Так что сами браслеты могли быть изготовлены несколько позднее.

Третий браслет не имеет аналогий, он уникален (рис. 4)²⁰. Он найден на правой руке мужчины выше локтя²¹ и представляет собою сплошной массивный обруч. На внешней стороне браслета представлены два мифологических сюжета, сменяющие друг друга по пять раз. В одной сцене крылатая Эос несет юного Кефала (рис. 5), в другой — на бегущую Фетиду слева нападает Пелей (видна только верхняя часть его фигуры), а справа на Пелея набрасывается лев, ставший на задние лапы (рис. 6). Чередуясь, пластины укреплены друг за другом по вертикали на основе браслета. Места их соединения декорированы крупными шестигранными розетками филигранной работы с гранулой в центре. По краям пластины протянута тонкая нить из рубчатой проволоки, декорирующая места соединения пластин с основой.

Ни по сюжету изображения, ни по композиции и характеру рисунков этот браслет не имеет аналогий среди золотых вещей, найденных в Северном

²⁰ ДБК. Табл. XIII, 3; *Dubois de Montpéroux F. Voyage autour du Caucase...* P., 1843. Pl. XX, 1; *Минус. Op. cit.* P. 199. Fig. 92, 3; *Артамонов. Ук. соч.* Табл. 206; *Piotrovsky, Galanina, Grach. Op. cit.* Pl. 180.

²¹ Инв. № К-О. 18. Архив Эрмитажа. Оп. 1. 1831. Д. 19. Л. 33, 86; *Ашук. Ук. соч.* С. 31 сл.; ДБК. С. XXXIV.

Рис. 5, 6. Детали того же браслета

Причерноморье, а также в самой Греции. Эти аналогии, или, точнее, сходные мотивы скорее можно найти в вазовой росписи конца VI—V в. до н.э.²² Особенно выразительны эти сюжеты на терракотовых мелосских рельефах из некрополя Камироза второй четверти V в. до н.э.²³

В изображении всех фигур на пластинах браслета, в построении композиции и в трактовке поз, ракурсов есть очень много архаических черт: фронтальный разворот плеч и голова, повернутая в профиль, архаичные черты лица, прически, коленипреклоненный бег, и наконец, диспропорциональность фигур, особенно в сцене с Фегидой, фигура которой значительно крупнее фигуры льва. Все это позволяет датировать рельефы на пластинах первой половиной V в. до н.э.

Еще в 1931 г. этот памятник опубликовала А.П. Манцевич²⁴. Она провела

²² Передольская А.А. Краснофигурные аттические вазы. Л., 1967. С. 27. № 20. Табл. XI. С. 72 сл.; № 73. Табл. XLVIII, 1, 2; ЛМС, III, 2. Таб. 577—578, № 268, 270, 272, 274, 275.

²³ Higgins R.A. Catalogue of Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities. British Museum. V. I. L., 1970. Pl. 79—80. № 614—615.

²⁴ Manzewitsch A. Der Armring aus Kul-Oba // AA. 1931. 46. S. 106—116. ♣

Рис. 7. Золотое пластинчатое декорированное украшение

подробнейший стилистический экскурс на темы данных сюжетов, отметила также явную связь изображений на браслете с известными тогда уже мелосскими терракотовыми рельефами, и датировала браслет второй четвертью V в. до н.э.

Однако мне представляется, сам браслет был сделан несколько позже, возможно, на рубеже V—IV вв. до н.э. или в первой половине IV в. до н.э., на что указывают розетки, характерные именно для украшений этого времени, и техника исполнения. Самое же главное, пластинки с рельефами первоначально были предназначены для других целей. Несомненно, что они имели и иную форму, и иные размеры, и никак не рассчитаны на данную поверхность. Для браслета они были приспособлены. Только этим можно объяснить, что фигуры на пластинках частично срезаны, причем на одних больше, на других — меньше, а сами пластины не имеют никакого обрамления. Да и компоновка всех элементов декора браслета искусственна и несоразмерна, включая крупные розетки, закрывающие собою важные части изображений на пластинках.

Разюмируя, можно сказать, что местом изготовления браслетов, возможно, были боспорские мастерские, хотя рельефные пластины были отчеканены много раньше либо ионийским мастером, либо мастером, находившимся под влиянием ионийской школы.

Следует также добавить, что все три браслета можно объединить в одну группу по единой технике исполнения, когда на основу пластины напаяются декоративные аппликации с рельефными мифологическими сценами. Края основы обычно приподняты и прикрыты декоративными проволоками.

К этой серии следует добавить еще один предмет из Куль-Обы, технически выполненный таким же образом. Это украшение башлыка царя в виде цилиндра с несомкнутыми концами (рис. 7)²⁵. Здесь на гладкую пластину, края которой сверху и снизу отогнуты наружу, наложена другая, на которой выбит чеканом в невысоком рельефе декор: сидящая женская фигура среди цветов и стеблей акаифа. Эта сцена повторяется четыре раза. Вверху проходит гирлянда с цветами лотоса, а по нижнему краю — с листьями плюща. На боковых краях напаяно по узкой пластине с изображением четырех львиных масок на лапах в фас. В верхнем и нижнем концах имеются сквозные отверстия для прикрепления.

Думается, что все эти четыре изделия выполнены по специальному заказу, если не одним мастером, то во всяком случае в одной мастерской, скорее всего боспорской. При этом в арсенале этих мастеров были более старые (по-нашему, более древние) вышедшие из употребления или ломаные вещи, детали которых приспособлялись к новым изделиям.

Встречаются ли в греко-варварской торевтике подобные приемы декора еще? Сказать трудно, ибо до нас дошло далеко не все.

Пожалуй, для сравнения справедливо будет упомянуть недавнюю находку А.М. Лескова в Уляпе. Это, как пишет исследователь, «красаец-ритон в виде Пегаса, который как бы парит в воздухе»²⁶. Я бы сказала, это красаец-монстр (ибо он как красив, так и нелеп); он долго еще будет будоражить умы ученых-искусствоведов. В его богатом убранстве видное место занимает накладная рельефная пластина со сценами гигантомахии, которая по стилю датируется автором не позднее середины V в. до н.э.²⁷

Н.Л. Грач

PLATE BRACELETS FROM KUL-OBA

N.L. Grach

For the first time in archaeology the posthumous article brings together, attributes to one burial complex and comprehensively studies 10 smooth gold bracelets from Kul-Oba. The author cites all known analogies to these bracelets from Scythia. In addition, the author considers in detail the other bracelets with decorated surfaces from the same complex and draws the conclusion that they were made in one, apparently, Bosporan shop.

²⁵ Инв. № К-О. 16. ДБК. Табл. II, 1; *Dubois*. Op. cit. Pl. XX, 1; *Minns*. Op. cit. P. 202. Fig. 96; *Артамонов*. Ук. соч. Табл. 254; *Piotrovsky, Galanina, Grach*. Op. cit. Pl. 181.

²⁶ *Лесков А.М. и др.* Шеллевы древнего искусства Кубани. М., 1987. С. 40.

²⁷ Там же. С. 44.